

КАРЛОС КАСТАНЕДА

• Сила Безмолвия •

СОФИА

Карлос Кастанеда

Сила безмолвия

«София Медиа»

1987

Кастанеда К. С.

Сила безмолвия / К. С. Кастанеда — «София Медиа», 1987

ISBN 978-5-399-00608-6

И опять абсолютно новый взгляд на мир вообще и на мир магов в частности. «Сила безмолвия» – это книга воспоминания о встречах с доном Хуаном в состояниях повышенного осознания, об абстрактных ядрах и stalkingе, о модальности времени и овладении намерением. Но главное, о чем мы узнаем из этой книги, – вся магия нужна лишь для того, чтобы мы ЗНАЛИ: СИЛА – в кончиках наших пальцев. Все обучение магии понадобилось дону Хуану лишь для того, чтобы разрушить у Карлоса привычное восприятие мира и осознать свое могущество. Могущество, которым реально владеет КАЖДЫЙ.

ISBN 978-5-399-00608-6

© Кастанеда К. С., 1987

© София Медиа, 1987

Содержание

Введение	6
Глава 1	11
Первое абстрактное ядро	11
Безупречность Нагваля Элиаса	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Карлос Кастанеда

Сила безмолвия

Все права зарезервированы, включая право на полное или частичное воспроизведение в какой бы то ни было форме.

Печатается с разрешения Simon & Shuster Inc.

The Power of Silence by Carlos Castaneda

Copyright © 1987 by Carlos Castaneda

© ООО Издательство «София», 2014

* * *

Мои книги – это точный рассказ о методе обучения, применяемом мексиканским индейцем-магом доном Хуаном Матусом для того, чтобы помочь мне понять мир магов. В этом смысле мои книги отражают непрерывный продолжающийся процесс, который становился для меня все яснее с течением времени. Необходимы многие годы практики, чтобы научить нас разумному поведению в мире повседневной жизни. Наше обучение – в сфере простых рассуждений или формальных предметов – осуществляется весьма тщательным образом, поскольку получаемые нами знания очень сложны. Те же критерии применимы к миру магов; обучение магии, основанное на устных инструкциях и манипуляции осознанием, хотя и очень отличается от нашего академического обучения, осуществляется не менее тщательно, потому что их знания, возможно, еще более сложны.

Введение

В разное время по моей просьбе дон Хуан пытался дать название своему знанию. Он полагал, что наиболее подходящим названием было бы «нагвализм», но этот термин является слишком непонятным. Назвать это просто «знанием» означало бы не отразить его сути, а назвать его «колдовством» было бы просто унизительно. «Овладение *намерением*» – слишком абстрактно, а «поиски полной свободы» – слишком длинно и метафорично. В конце концов он, не сумев найти более подходящего названия, согласился называть его «магией»¹, хотя признавал, что и этот термин недостаточно точен. На протяжении многих лет нашего знакомства он уже давал мне несколько определений магии, но всегда подчеркивал при этом, что они меняются по мере накопления знания. Приближаясь к концу своего ученичества, я почувствовал, что теперь смогу понять более четкое определение, поэтому снова обратился к дону Хуану.

– С точки зрения среднего человека, – сказал дон Хуан, – магия – это чепуха или зловещая тайна, выходящая за пределы его понимания. И он прав – не потому, что это действительно так, – просто среднему человеку не хватает энергии, чтобы иметь дело с магией.

Немного помолчав, он продолжал:

– Человеческие существа рождены с ограниченным количеством энергии, которая, начиная с момента рождения, непрерывно разворачивается таким образом, что может быть использована *модальностью времени* наиболее выгодным образом.

– Что ты имеешь в виду, говоря о «модальности времени»? – спросил я.

– *Модальность времени* – это определенный узел энергетических полей, находящихся в зоне восприятия, – ответил он. – Я считаю, что восприятие человека на протяжении веков изменяется. Определенному времени соответствует определенная форма, определенный узел из бесконечного количества энергетических полей. И овладение *модальностью времени* – этими несколькими избранными полями – отнимает всю имеющуюся у нас энергию, не оставляя нам возможности использовать какие-нибудь другие энергетические поля.

Едва заметным движением бровей он предложил мне подумать над всем этим.

– Именно это я имею в виду, когда говорю, что среднему человеку недостает энергии для занятий магией, – продолжал он. – Если он использует лишь ту энергию, что имеется у него в наличии, он не может постичь миры, которые воспринимают маги. Чтобы воспринимать их, магам необходимо использовать обычно не употребляемый пучок энергии. Естественно, обычный человек для восприятия и понимания мира магов должен был бы использовать тот же пучок, которым пользовались они. Однако для него это невозможно, так как вся его энергия уже задействована.

Он остановился на минутку, как бы подыскивая нужные слова.

– Подумай об этом так: все это время ты учился не магии, но скорее умению сохранять энергию. И эта энергия даст тебе возможность овладеть некоторыми из энергетических полей, недоступных для тебя сейчас. Вот что такое магия: умение использовать энергетические поля, которые не участвуют в восприятии известного нам повседневного мира. Магия – это состояние сознания. **Магия – это способность воспринимать нечто, не доступное обычному восприятию.**

– Все, через что я тебя провел, – продолжал дон Хуан, – все, что я показывал тебе, – все это было лишь средством убедить тебя, что в мире есть нечто большее, чем мы можем видеть. **Незачем кому-то учить нас магии, потому что на самом деле нет ничего такого, чему нужно было бы учиться. Нам только нужен учитель, который смог бы убедить нас,**

¹ В своей последней книге «Колесо времени» КК стал называть это знание сибирским термином «шаманизм» (см. «Колесо времени». К.: София, 2011). – *Прим. ред.*

какая огромная сила имеется на кончиках наших пальцев. Какой странный парадокс! Каждый воин на пути знания в то или иное время думает, что изучает магию; но все, что он делает при этом, – это **позволяет убедить себя в наличии силы, скрытой в самом его существе, и в том, что он может овладеть ею.**

– И все, что ты делаешь, дон Хуан, – это просто убеждаешь меня?

– Именно так. Я пытаюсь убедить тебя, что ты можешь овладеть этой *Силой*. В свое время я прошел через то же самое. И меня так же нелегко было убедить, как тебя сейчас.

– Но что именно мы с ней делаем после того, как овладели ею, дон Хуан?

– Ничего. Как только мы овладеваем ею, она сама начнет приводить в действие энергетические поля, которые доступны нам, но не находятся в нашем распоряжении. Это, как я сказал, и есть магия. В этом случае мы начинаем *видеть*, то есть воспринимать нечто иное, но не как воображаемое, а как реальное и конкретное. И тогда мы начинаем *знать* без каких бы то ни было слов. А вот что именно делает каждый из нас со своим возросшим восприятием, зависит от его темперамента.

На следующий раз он дал мне объяснение другого рода. Мы обсуждали совершенно постороннюю тему, и вдруг он резко сменил предмет беседы и начал рассказывать мне что-то смешное. Потом он засмеялся и очень мягко хлопнул меня по спине между лопатками, как если бы стеснялся своей вольности по отношению ко мне. Заметив мою нервозность, он усмехнулся.

– Ты пуглив, – сказал он, поддразнивая меня, и шлепнул по спине гораздо сильнее.

В ушах у меня зазвенело. На какой-то миг у меня перехватило дыхание. Мне показалось, что он повредил мне легкие. Каждый вдох был для меня настоящей мукой. Но отдышавшись и откашлявшись, я почувствовал, что нос у меня открылся и я могу дышать глубоко и спокойно. Мне стало настолько хорошо, что я даже не разозлился на дону Хуана, удар которого был таким сильным и неожиданным.

Затем дон Хуан начал свое очень примечательное объяснение. Ясно и кратко он дал мне еще одно, более точное определение магии.

Я вошел в удивительное состояние осознания! Мой ум был настолько ясным, что я был в состоянии понимать и усваивать все, что говорил дон Хуан. Он сказал, что во Вселенной существует неизмеримая, неопиcуемая сила, которую маги называют *намерением*, и **абсолютно все, что существует во Вселенной, соединено *снамерением* связующим звеном.** Маги – или воины, как он их называл, – пытаются понять и использовать это связующее звено. Особенно они заботятся об очищении его от парализующего влияния каждодневных забот обычной жизни.

На этом уровне **магия может быть определена как процесс очистки нашего связующего звена *снамерением*.** Дон Хуан подчеркнул, что обучить этой «очистительной процедуре», равно как и понять ее, – невероятно сложно. Поэтому маги разделили свои инструкции на два класса. Первый – это инструкции для обычного состояния осознания, в котором процесс очистки осуществляется в замаскированном виде. Второй – это инструкции для состояний повышенного осознания, в одном из которых я как раз сейчас и нахожусь и в которых маги получают знания прямо от *намерения*, минуя отвлекающее вмешательство разговорного языка.

Дон Хуан объяснил, что благодаря использованию повышенного осознания за тысячи лет тяжелой борьбы маги обрели способность особого проникновения в суть *намерения* и что они передавали эти сокровища прямого знания от поколения к поколению до настоящего времени. Он сказал, что задачей магии является сделать это кажущееся непостижимым знание понятным с точки зрения осознания повседневной жизни.

Затем он объяснил роль руководителя в жизни магов. Он сказал, что такой руководитель называется «Нагваль» и что Нагваль – это мужчина или женщина с экстраординарной энергией; это учитель, обладающий трезвостью, стойкостью и стабильностью. Такого человека *видящие*

видят как светящуюся сферу, имеющую четыре отделения, как если бы четыре светящихся шара сжали вместе. Благодаря такой необычайной энергии Нагвали являются *посредниками*. Их энергия позволяет им получать мир, гармонию, знание и смех прямо из источника – из *намерения*, и передавать все это своим товарищам. Нагвали способны предоставлять то, что маги называют «минимальным шансом»: осознание человеком связи с *намерением*. Я сказал ему, что мой ум способен понять все, что он говорит мне, и что лишь один момент в его объяснениях до сих пор остался неясным: зачем нужны два вида обучения. Я мог легко понять все, что он говорил о своем мире, хотя он утверждал, что процесс понимания очень труден.

– Тебе может понадобиться целая жизнь, чтобы вспомнить те озарения, которые были у тебя сегодня, – сказал он, – потому что большинство из них есть *безмолвное знание*. Через несколько секунд ты все это забудешь. Это – одна из непостижимых загадок осознания.

Затем дон Хуан сместил уровень моего осознания, нанеся мне удар сбоку по левой стороне груди.

Внезапно я утратил необыкновенную ясность ума, и даже не помнил, что имел ее только что...

* * *

Дон Хуан сам поставил мне задачу делать записи о предпосылках магии. Однажды, еще на ранней стадии моего ученичества, он как бы невзначай предложил мне написать книгу, чтобы как-то использовать те дневники, которые я вел постоянно. Их у меня накопились целые горы, и я никак не мог решить, что с ними делать.

Я возразил, что это предложение абсурдно, поскольку я не писатель.

– Конечно, ты не писатель, – ответил он, – поэтому тебе придется использовать магию. Во-первых, тебе необходимо визуализировать свой опыт, чтобы он живо предстал перед тобой, а затем ты должен увидеть текст в своих *сновидениях*. Таким образом, записи должны быть для тебя не литературным упражнением, а скорее упражнением в магии.

Вот так и получилось, что в контексте обучения я писал о предпосылках магии одновременно с объяснениями дона Хуана. В его схеме обучения, разработанной еще магами древности, было две категории инструкций. Одна называлась «обучение для правой стороны» и осуществлялась в обычном состоянии. Вторая – «обучение для левой стороны» – осуществлялась только в состоянии повышенного осознания.

Эти два вида обучения позволяли учителям ввести своих учеников в три области специального знания: овладение осознанием, *искусство сталкинга* и овладение *намерением*.

Эти три области специального знания являются тремя проблемами, с которыми маг сталкивается в своих поисках знания.

Искусство сталкинга – это проблема сердца; маги заходят в тупик, начиная осознавать две вещи. Первая заключается в том, что мир предстает перед нами нерушимо объективным и реальным в силу особенностей нашего осознания и восприятия, и вторая – если задействуются иные особенности восприятия, то представления о мире, которые казались такими объективными и реальными, – изменяются.

Овладение *намерением* – это проблема *духа*², или парадокс *абстрактного*, – мысли и действия магов выходят за пределы нашего человеческого осознания.

Инструкции дона Хуана в отношении *искусства сталкинга* и овладения *намерением* взаимосвязаны с его инструкциями об овладении осознанием – краеугольным камнем его учения, состоящего из следующих основных предпосылок:

² В восьмой книге КК понятие «power» – «Сила» – заменено понятием «spirit» – «дух». – Здесь и далее прим. перев.

1. Вселенная является бесконечным скоплением энергетических полей, похожих на нити света.

2. Эти энергетические поля, называемые «эманациями Орла», излучаются из источника непостижимых размеров, метафорически называемого «Орлом».

3. Человеческие существа также состоят из несчетного количества таких же нитеподобных энергетических полей. Эти эманации Орла образуют подобные гигантским светящимся яйцам замкнутые скопления, которые проявляются как шары света размером с человеческое тело с руками, выступающими по бокам.

4. Только небольшая группа энергетических полей внутри этого светящегося шара освещена точкой интенсивной яркости, расположенной на поверхности шара.

5. Восприятие имеет место, когда энергетические поля из этой небольшой группы, непосредственно окружающие точку яркого сияния, распространяют свой свет и освещают идентичные энергетические поля вне шара. Поскольку воспринимаются только те поля, которые озарены точкой яркого сияния, эта точка называется «точкой, где собирается восприятие», или просто «точкой сборки»³.

6. *Точка сборки* может быть сдвинута со своего положения на поверхности светящегося шара в другие места на поверхности или внутри шара. Поскольку свечение *точки сборки* может озарить все энергетические поля, с которыми она приходит в контакт, она немедленно высвечивает новые энергетические поля, делая их восприимчивыми. Это восприятие известно как *видение*.

7. Когда *точка сборки* смещается, становится возможным восприятие совершенно иного мира – такого же объективного и реального, как и тот, который мы воспринимаем обычно. Маги отправляются в тот другой мир, чтобы получить силу, энергию, решение общих и частных проблем или для встречи лицом к лицу с невообразимым.

8. *Намерение* – это проникающая сила, которая дает нам возможность восприятия. Мы осознаем не благодаря восприятию, – скорее, мы воспринимаем в результате давления и вмешательства *намерения*.

9. Целью магов является достижение полного осознания для того, чтобы овладеть всеми возможностями, доступными человеку. Это состояние осознания предполагает даже совершенно иной способ ухода из жизни.

* * *

Частью обучения овладения осознанием является практическое знание. На этом практическом уровне дон Хуан обучал меня и других действиям, необходимым для сдвига *точки сборки*. Древние маги-*видящие* открыли две большие системы для достижения этого: *сновидение* как контроль и способ использования снов и *сталкинг* – контроль поведения.

Сдвиг *точки сборки* – это важное действие, которому должен научиться каждый маг. Некоторые из них, Нагвали, должны научиться выполнять его еще и для других. Они способны выводить *точку сборки* из ее обычного положения, нанося непосредственно по ней сильный удар. Этот удар, который ощущается как толчок по правой лопатке, – хотя непосредственно тела никогда не касаются, – приводит к состоянию повышенного осознания.

Согласно традиции, дон Хуан излагал ученику наиболее важную и драматическую часть своего учения исключительно в таких его состояниях повышенного осознания. Эта часть содержала инструкции для «левой стороны». В связи с необычным качеством этих состояний дон Хуан требовал, чтобы я ни с кем не обсуждал их до тех пор, пока мы с ним полностью не закончим обучение по схеме магов. Принять такое требование было нетрудно. В этих уни-

³ Assemblage point (англ.).

кальных состояниях мои возможности к пониманию инструкций невероятно возрастали, но в то же время способность описывать или даже запоминать их исчезала совсем. Находясь в таких состояниях, я мог действовать четко и уверенно, но не был способен ничего о них вспомнить, когда возвращался к нормальному состоянию.

Мне потребовались годы, чтобы обрести возможность совершить критический перевод опыта своего повышенного осознания в область обычной памяти. Мой разум и здравый смысл задержали наступление этого момента, потому что они лицом к лицу столкнулись с абсурдной, непостижимой реальностью повышенного осознания и прямого *знания*. В течение ряда лет следствием этого было нарушение системы моих знаний, что вынуждало меня избегать данной темы, не думая о ней. Все, что я написал о своем ученичестве в магии до сих пор, является изложением того, как дон Хуан обучал меня овладению осознанием. Однако до сих пор я еще не описывал *искусство сталкинга и овладение намерением*.

Дон Хуан учил меня их принципам и применению с помощью двух своих сотрудников: мага по имени Висенте Медрано и еще одного мага, которого звали Сильвио Мануэль. К сожалению, практически все, чему я у них научился, до сих пор остается неясным для меня, скрытым в том, что дон Хуан называл «лабиринтами повышенного осознания». Вплоть до самого последнего времени совершенно невозможным для меня было писать или даже думать последовательно об *искусстве сталкинга* или *овладении намерением*. Моей ошибкой было то, что я рассматривал их как предметы, доступные для нормальной памяти или воспоминания. Таковыми они и являются, но в то же время это не так. Чтобы разрешить это противоречие, я не обсуждал эти темы прямо – это было практически невозможно, – но косвенно я уже касался их: я имею в виду заключительную часть учения дона Хуана – рассказ о магах прошлого.

Он рассказывал эти истории, чтобы пояснить смысл того, что он называл «абстрактными ядрами»⁴ своих уроков. Однако я был не в состоянии уловить суть этих «абстрактных ядер», несмотря на его исчерпывающие объяснения. Теперь-то я знаю, что эти объяснения предназначались скорее для того, чтобы сделать мой ум более открытым, чем для действительно рационального понимания чего бы то ни было. Его манера говорить заставляла меня много лет подряд думать, что его объяснения касательно «абстрактных ядер» были сродни академическим рассуждениям; и все, что я был способен делать при таких обстоятельствах, – это принимать его объяснения как данность. Они стали частью моего молчаливого приятия его учения, но оценить их полностью я не мог, что существенно влияло на понимание этих историй.

Дон Хуан описал три серии, в каждой из которых было по шесть *абстрактных ядер*, расположенных по принципу возрастания трудности. В данной книге я рассматриваю первую серию, которая состоит из следующих принципов:

1. *Проявления духа.*
2. *Толчок духа.*
3. *Уловка духа.*
4. *Нисхождение духа.*
5. *Требования намерения.*
6. *Управление намерением.*

⁴ Abstract core (англ.).

Глава 1

Проявления духа

Первое абстрактное ядро

Всякий раз, когда предоставлялся случай, дон Хуан рассказывал мне короткие истории о магах его партии и особенно о своем учителе, Нагвале Хулиане. Это были не истории в обычном смысле, а скорее описание поведения магов и особенностей их личности. Каждый из этих рассказов был рассчитан на то, чтобы пролить свет на какую-либо конкретную проблему моего ученичества.

Я слышал те же истории от других пятнадцати членов группы магов дона Хуана, но никто из них не мог дать мне ясное представление о людях, которых они описывали. Мне не удавалось убедить дона Хуана подробно описать этих магов, поэтому я почти примирился с тем, что мне никогда не узнать о них достаточно глубоко.

Однажды в полдень в горах Южной Мексики дон Хуан, очередной раз объясняя сложности овладения осознанием, вдруг сделал заявление, которое совершенно поставило меня в тупик.

– Мне кажется, настало время поговорить о магах нашего прошлого, – сказал он.

Дон Хуан объяснил, что мне необходимо начать делать выводы, основанные на систематическом взгляде на прошлое, выводы как о мире повседневной жизни, так и о мире магии.

– Маги имеют жизненно важную связь со своим прошлым, – сказал он. – Но я не имею в виду их личное прошлое. Для магов их прошлое заключается в делах, которые совершили другие маги, и сейчас мы собираемся заняться анализом именно такого прошлого. Обычный человек тоже занят анализом прошлого, но он делает это из личных соображений. Маги в таком случае заняты совершенно противоположным – они обращаются к своему прошлому, чтобы получить *точку отсчета*.

– Но разве не это делает каждый из нас? Именно за ней мы и обращаемся к прошлому.

– Нет! – ответил он с ударением. – Средний человек соизмеряет себя с прошлым, своим личным прошлым или прошлыми знаниями своего времени для того, чтобы найти оправдания своему поведению в настоящем или будущем. Или чтобы найти для себя модель. Только маги в своем прошлом действительно ищут точку отсчета.

– Может быть, дон Хуан, я лучше пойму все это, если ты расскажешь мне, что подразумевают маги под «точкой отсчета»?

– Для магов установить точку отсчета означает получить возможность изучения *намерения*, – ответил он. – Это и есть главная тема и цель нашей последней инструкции. И ничто не сможет помочь магу так хорошо увидеть *намерение*, как рассмотрение историй других магов, боровшихся за понимание этой же *Силы*.

Он объяснил, что, исследуя свое прошлое, маги его линии тщательно просматривали основной *абстрактный* порядок своего учения.

– В магии имеется двадцать одно *абстрактное ядро*, – продолжал дон Хуан, – и существует множество основанных на этом магических историй о Нагвалах нашей линии, боровшихся за понимание *духа*. Настало время познакомить тебя с *абстрактными ядрами* и историями магов.

Я ждал, что дон Хуан начнет рассказывать мне эти истории, но он сменил тему и вернулся к объяснению овладения осознанием.

– Погоди, – запротестовал я, – как насчет магических историй? Разве ты не собирался их рассказывать?

– Конечно собирался, – сказал он. – Однако это не те истории, которые можно рассказывать как сказки. С их помощью ты должен обдумать свой путь, а затем оживить их.

Последовала долгая пауза. Я не решался настаивать, чтобы он рассказал мне эти истории, так как боялся совершить нечто такое, в чем сам потом стану раскаиваться. Но мое любопытство было сильнее здравого смысла.

– Ну начинай их, наконец, – проворчал я.

Дон Хуан, явно уловив ход моих мыслей, ехидно усмехнулся. Он встал и жестом велел мне следовать за собой. До сих пор мы сидели на сухих камнях на дне оврага. Был полдень, но небо было темным и облачным. Низкие, почти черные дождевые облака плыли над вершинами гор к востоку. По сравнению с ними на юге небо казалось ясным из-за высоких облаков. Ранее прошел сильный дождь, но потом он как будто спрятался в укромное место, оставив после себя только изморось.

Было холодно, и я, казалось, должен был продрогнуть до костей. Но мне было тепло. Сжимая в руках кусочек скальной породы, который дал мне дон Хуан, я помнил, что это ощущение тепла при почти нулевой температуре хорошо мне знакомо, и все же оно снова и снова изумляло. Как только я начинал мерзнуть, дон Хуан давал мне поддержать ветку или камень или клал пучок листьев мне под рубашку над грудью, и этого было достаточно, чтобы температура моего тела повысилась. Я пытался самостоятельно добиться такого же эффекта, но неудачно. Он объяснил, что меня согревают не эти манипуляции, а его *внутреннее безмолвие* и что ветки, камни или листья – это лишь способ поймать мое внимание и сохранить его в фокусе.

Мы быстро поднялись по крутому западному склону горы и достигли скального выступа на самой вершине, которая находилась у подножия еще более высокой горной цепи. С выступа я мог видеть, как туман надвигается на южный край раскинувшейся под нами долины. Низкие клочковатые облака, сползая с черно-зеленых горных вершин на западе, казалось, вплотную придвинулись к нам. После дождя под темным облачным небом долина и горы на востоке и на юге были покрыты мантией зеленовато-черной тишины.

– Это идеальное место для беседы, – сказал дон Хуан, садясь на каменный пол укромной мелкой пещеры.

Пещерка идеально подходила для того, чтобы мы могли сидеть там бок о бок. Наши головы почти касались свода, а спины удобно опирались о вогнутую поверхность каменной стены. Казалось, пещеру словно намеренно вытесали, чтобы в ней уместились два человека нашей комплекции.

Я заметил еще одну странную особенность пещеры: когда я стоял на выступе, я мог видеть всю долину и линии гор к востоку и к югу, но когда я садился, то оказывался как бы затиснутым в скалах. При этом выступ находился на уровне пола пещеры и был плоским.

Я уже собирался указать дону Хуану на этот странный эффект, однако он меня опередил.

– Эта пещера сделана людьми. Выступ имеет некоторый уклон, но на глаз этого определить нельзя.

– Кто сделал эту пещеру, дон Хуан?

– Маги древности. Возможно, тысячи лет назад. И одной из особенностей это пещеры является то, что животные, насекомые и даже люди никогда не навещают сюда. Видимо, маги древности наделили ее враждебной энергией, которая заставляет все живые существа, попавшие в нее, испытывать сильный дискомфорт.

Странно, но я непонятным образом чувствовал себя здесь счастливым и защищенным. Чувство физического удовольствия буквально заставляло трепетать мое тело. У меня было приятное, совершенно восхитительное ощущение в районе желудка. Это ощущение напоминало легкую щекотку.

– Я не чувствую никакого неудобства, – заметил я.

– Я тоже, – согласился он. – Это означает только то, что мы с тобой не слишком далеки по характеру от тех магов прошлого.

Я боялся развивать эту тему, поэтому подождал, пока он заговорит снова.

– Первая магическая история, которую я хочу рассказать тебе, называется «*Проявления духа*», – начал дон Хуан. – Но пусть это название тебя не смущает. *Проявления духа* – это всего лишь *первое абстрактное ядро*, вокруг которого строится первая магическая история. Это *первое абстрактное ядро* само по себе является историей. В ней говорится, что давным-давно был человек, обычный человек без особых свойств. Как и всякий иной, он был *проводником духа*. И благодаря этому, как и любой другой, он был частью *духа*, частью *абстрактного*. Но он не знал этого. Повседневные дела так занимали его, что у него не было ни времени, ни желания серьезно подумать о таких вещах. *Дух* безуспешно пытался проявить свою связь с ним. С помощью внутреннего голоса *дух* рассказывал свои секреты, но человек не был способен понять эти откровения. Естественно, он слышал внутренний голос, но был уверен, что это его собственные чувства и мысли. Чтобы вытянуть человека из его дремотного состояния, *дух* дал ему три знака, три последовательных *проявления*. *Дух* физически пересек путь человека самым очевидным образом. Но человек, кроме себя самого, ничего вокруг не замечал.

Дон Хуан остановился и взглянул на меня, как он делал, когда ждал моих замечаний или вопросов. Мне нечего было сказать. Я не понимал, к чему он ведет.

– Только что я рассказал тебе *первое абстрактное ядро*, – продолжал он. – Могу еще добавить, что по причине полного нежелания этого человека понимать, *дух* вынужден был применить *уловку*, и уловка стала сущностью пути магов. Но это уже другая история.

Дон Хуан объяснил, что маги понимали это *абстрактное ядро* как схему событий, или неоднократно повторяющуюся модель, которая проявлялась всякий раз, когда *намерение* указывало на что-то значительное. Таким образом, *абстрактные ядра* являются схемами полной цепи событий. Он заверил меня, что каждая деталь каждого *абстрактного ядра* при помощи не поддающихся пониманию средств вновь и вновь повторялась каждому Нагвалю-ученику. Далее он заверил меня, что он помог *намерению* вовлечь меня во все *абстрактные ядра* магии тем же способом, каким и его бенефактор, Нагваль Хулиан, и все Нагвали до него вовлекали своих учеников. Процесс, в котором каждый Нагваль-ученик встречает *абстрактные ядра*, создает серии историй, сотканных вокруг этих *ядер* и включающих особенности личности и обстоятельств каждого ученика.

Дон Хуан сказал, что у меня, например, тоже есть своя история о *проявлении духа*, у него – своя, у его бенефактора была своя собственная, как и у Нагваля, предшествовавшего ему, и так далее, и тому подобное.

Ничего не поняв, я спросил, какова же моя история о *проявлении духа*.

– Если уж среди воинов и есть человек, знающий все свои истории, то это ты, – ответил он. – Ведь ты все эти годы записывал их. Но ты не заметил *абстрактных ядер*, ведь ты – практический человек. Ты все делаешь лишь с целью усиления собственной практичности. И хотя ты записывал свои истории бесчисленное количество раз, ты не понимал, что в них есть *абстрактное ядро*. Поэтому все, что я пытаюсь показать тебе и что нередко кажется тебе моей причудой, – это обучение магии нерадивого и порой просто глупого ученика. До тех пор пока ты будешь так смотреть на вещи, *абстрактные ядра* будут ускользать от тебя.

– Ты прости меня, дон Хуан, – сказал я, – но твои утверждения весьма противоречивы. Что ты имеешь в виду?

– Я пытаюсь познакомить тебя с магическими историями, – ответил он. – Я никогда не говорил с тобой на эту тему специально, потому что по традиции это остается скрытым. Это – последняя хитрость *духа*. Говорят, что, когда ученик начинает понимать *абстрактные ядра*, он как бы кладет последний камень, который венчает и скрепляет пирамиду.

Темнело и казалось, что надвигается дождь. Я забеспокоился, что если пойдет дождь и ветер будет дуть с востока, то мы промокнем в этой пещере. Я был уверен, что дон Хуан понимает это, но он, казалось, игнорировал это обстоятельство.

– Дождя не будет до завтрашнего утра, – сказал он.

То, что я услышал ответ на свои мысли, заставило меня непроизвольно подскочить, и я ударился головой о потолок. Раздался глухой стук, и это было даже хуже, чем то, что при этом я ушибся. Дон Хуан покатылся со смеху. Тотчас ушибленное место заболело, и я стал массировать его.

– Твое общество доставляет мне столько же удовольствия, сколько мое, должно быть, в свое время доставляло моему бенефактору, – сказал он и снова засмеялся.

Несколько минут мы молчали. Тишина вдруг показалась мне зловещей. Мне почудилось, что я слышу шорох нависших облаков, спускающихся к нам с более высоких гор. Потом я понял, что это тихонько дует ветер. С моего места в пещере он казался похожим на шепот человеческих голосов.

– Я имел невероятно счастливую возможность быть учеником двух Нагвалей, – сказал дон Хуан и нарушил гипнотическое воздействие, оказываемое на меня в этот момент ветром. – Одним из них, разумеется, был мой бенефактор, Нагваль Хулиан, а другим был его бенефактор – Нагваль Элиас. Мой случай уникален.

– Почему уникален? – спросил я.

– Потому что из поколения в поколение Нагвали начинали собирать учеников лишь через годы после того, как их собственные учителя покидали мир, – ответил он. – Исключением был мой бенефактор. Я стал учеником Нагваля Хулиана за восемь лет до того, как его бенефактор покинул мир. Эти восемь лет были для меня как дар. Это была самая большая удача, какую только можно было вообразить, так как у меня была прекрасная возможность учиться у двух противоположных по характеру людей. Было так, как если бы тебя воспитывал сильный отец и еще более сильный дед, которые не сходятся во взглядах между собой. В этом споре всегда побеждал дед, поэтому я, собственно говоря, скорее продукт обучения Нагваля Элиаса. Я ближе к нему не только по темпераменту, но даже и по виду. Однако большая часть работы по превращению меня из жалкого существа в безупречного воина была проделана моим бенефактором, Нагвалем Хулианом.

– Опиши мне физический облик Нагваля Хулиана, – попросил я.

– Знаешь, мне до сего дня трудно представить его, – сказал дон Хуан. – Я понимаю, это прозвучит нелепо, но в зависимости от необходимости он мог быть молодым или старым, привлекательным или невзрачным, истощенным и ослабленным или сильным и мужественным, толстым, худым или средней комплекции, среднего роста или коротышкой.

– Ты имеешь в виду, что он был артистом и играл разные роли с помощью ухищрений?

– Нет, никаких ухищрений он не использовал, и был он не просто актером. Он был, конечно, своего рода великим артистом, но дело совсем не в этом. Суть в том, что он наделен был даром трансформации и мог становиться диаметрально противоположными личностями. Актерский талант давал ему возможность изображать все мельчайшие детали поведения, что делало реальным каждый его образ. Можно сказать, что он так же непринужденно менял личность, как ты каждый раз непринужденно меняешь одежду.

Я нетерпеливо попросил дон Хуана рассказать мне о превращениях его бенефактора побольше. Он сказал, что некто научил Нагваля Хулиана подобным превращениям, но продолжать рассказ об этом далее означало бы перейти на другие истории.

– Как выглядел Нагваль Хулиан, когда он ни в кого не превращался? – спросил я.

– Могу сказать только, что перед тем, как он стал Нагвалем, он был очень худым и мускулистым, – сказал дон Хуан. – У него были черные волосы, густые и вьющиеся, длинный красивый нос, крепкие большие белые зубы, овальное лицо, мощный подбородок и лучистые темно-

карие глаза. Ростом он был около пяти футов восьми дюймов. Он не был ни индейцем, ни даже смуглым мексиканцем, но не был и англосаксом. Фактически, он ни на кого не был похож, особенно в последние годы, когда цвет его кожи постоянно изменялся от очень темной до очень светлой, и опять до темной. Когда я встретил его впервые, он был смуглым стариком, затем со временем стал светлокожим молодым человеком, возможно, лишь на несколько лет старше меня. Мне же тогда было двадцать.

– Но если изумляли перемены его внешности, – продолжал дон Хуан, – то изменения его настроения и поведения, сопровождавшие их, изумляли еще больше. Например, когда он был толстым молодым человеком, он был веселым и чувствительным. Когда он превращался в худого старика, он становился мелочным и мстительным. Будучи старым толстяком, он воплощался в слабоумного.

– Был ли он когда-нибудь самим собой? – спросил я.

– Да, был, но совсем по-другому, чем я сам, – ответил он. – Поскольку меня не интересуют превращения, я всегда один и тот же. Но он совсем не был похож на меня.

Дон Хуан посмотрел на меня, как бы оценивая мою внутреннюю силу. Он улыбнулся и, покачивая головой из стороны в сторону, разразился утробным смехом.

– Что тебя так позабавило, дон Хуан? – спросил я.

– Дело в том, что ты все еще слишком скован и дотошен, чтобы в полной мере оценить природу превращений моего бенефактора и весь их размах, – сказал он. – Мне остается только надеяться, что, когда я тебе об этом рассказываю, тебя не охватывает патологический страх.

По какой-то причине я внезапно почувствовал себя очень неуютно и мне захотелось сменить тему разговора.

– Почему Нагваль называют «бенефактор», а не просто «учитель»? – спросил я.

– Называя Нагваль бенефактором, ученики выражают свое к нему уважение, – сказал дон Хуан. – Нагваль вызывает у своих учеников огромное чувство благодарности, ведь он формирует их и проводит сквозь невообразимые области.

Я заметил, что учить – это, по-моему, величайшее и самое актуальное действие, которое один человек может совершить для другого.

– Для тебя обучение – это разговоры о моделях поведения, – сказал он. – У мага обучение – это то, что делает Нагваль для своих учеников. Ради них он имеет дело с главной силой во Вселенной – *намерением*, *Силой*, которая изменяет, или перетасовывает вещи, или оставляет их такими, как они есть. Нагваль определяет, а затем направляет то влияние, которое эта *Сила* может оказать на его учеников. Если бы Нагваль не направлял *намерение*, они не испытывали бы ни благоговейного страха, ни изумления. И вместо того, чтобы отправиться в магическое путешествие к открытию, его ученики всего лишь обучались бы ремеслу целителя, колдуна, шарлатана или кого-нибудь еще.

– Ты можешь объяснить мне «намерение»? – спросил я.

– Единственный способ узнать *намерение* – это узнать его непосредственно, через живую связь, которая существует между *намерением* и всеми чувствующими существами, – ответил он. – Маги называют *намерение* неопишущим, *духом*, *абстрактным*, *нагвалем*. Я предпочел бы назвать его *нагвалем*, но тогда это название совпадало бы с именем лидера, бенефактора, который тоже зовется Нагвалем. Поэтому я остановил свой выбор на названии «дух», «намерение», «абстрактное».

Внезапно дон Хуан прервал разговор, предложив мне помолчать и подумать над тем, что он только что сказал. Тем временем сильно стемнело. Тишина была такой глубокой, что она возбуждала вместо того, чтобы успокаивать, и я не мог упорядочить мысли. Я пытался сфокусировать внимание на истории, которую он мне рассказал, но вместо этого думал о чем угодно ином, пока в конце концов не заснул.

Безупречность Нагваля Элиаса

Не знаю, сколько времени я проспал в этой пещере. Голос дона Хуана заставил меня вздрогнуть, и я проснулся. Он говорил, что первая магическая история, касающаяся *проявления духа*, является рассказом о взаимоотношении между *намерением* и Нагвалем. О том, как *дух* завлекает Нагваля, будущего ученика, и о том, как Нагваль должен оценивать его уловки, решая, принять их или отвергнуть.

В пещере было очень темно, маленькое пространство ощущалось весьма ограниченным. В обычном состоянии его размеры вызвали бы у меня приступ клаустрофобии, но сейчас пещера действовала успокаивающе, рассеивала чувство раздражения и досады. И еще, что-то в ее конфигурации поглощало эхо голоса дона Хуана.

Дон Хуан объяснил, что каждое действие, совершаемое магами, особенно Нагвалями, или направлено на усиление звена, связывающего их с *намерением*, или является реакцией, вызванной самим звеном. Поэтому маги, а особенно Нагвали, должны всегда быть бдительны к *проявлениям духа*. Такие проявления называются *жестами духа* или просто указаниями и *знаками*.

Он повторил историю, которую я уже слышал от него, – рассказ о том, как он встретился со своим бенефактором, Нагвалем Хулианом.

Два проходимца соблазнили дона Хуана пойти работать на отдаленную гасиенду. Один из них, надсмотрщик гасиенды, подчинил себе дона Хуана и фактически сделал его рабом.

Будучи в отчаянном положении и не имея другого выхода, дон Хуан бежал. Разъяренный надсмотрщик погнался за ним, догнал его на проселочной дороге, выстрелил дону Хуану в грудь и бросил его умирать. Дон Хуан лежал без сознания на дороге, истекая кровью, когда мимо проходил Нагваль Хулиан. Используя свой дар целителя, он остановил кровотечение, забрал еще находившегося без сознания дона Хуана домой и вылечил его.

Нагваль Хулиан получил относительно дона Хуана такие указания *духа*, как, во-первых, маленький смерч, который поднял конус пыли на дороге в паре метров от лежащего дона Хуана. Вторым знаком была мысль, пришедшая Нагвалю в голову за минуту перед тем, как он услышал выстрел из винтовки в нескольких ярдах от себя: «Настало время найти ученика-Нагваля». Несколькими секундами позже *дух* дал ему третий знак: когда он побежал, чтобы спрятаться, то столкнулся с убийцей и обратил его в бегство, таким образом помешав ему выстрелить в дона Хуана вторично. Неожиданное столкновение с кем-либо – грубая ошибка, которую ни маги, ни тем более Нагвали не могут допускать никогда.

Нагваль Хулиан немедленно оценил происшедшее. Когда он увидел дона Хуана, то понял причину такого *проявления духа*: это был «двойной» человек, идеальный кандидат в ученики-Нагвали.

Это вызвало у меня придиричивый рациональный интерес. Я захотел узнать, могут ли маги ошибочно интерпретировать *знаки*. Дон Хуан ответил, что, хотя мой вопрос звучит совершенно законно, он все же неуместен, как и большинство моих вопросов, потому что я задаю их, основываясь на своем опыте повседневной жизни. Поэтому они всегда касаются испытанных процедур, предписанных шагов и детализированных правил, но ничего общего не имеют с предпосылками магии. Он ответил, что недостатком моих рассуждений является то, что я никогда не связываю свой опыт с миром магов.

Я возразил, что лишь очень немного из моего опыта в мире магов имеет непрерывность и поэтому я не могу воспользоваться этим опытом в своей повседневной жизни. Лишь очень немного раз – и то лишь тогда, когда я был в состоянии глубокого повышенного осознания, – я вспоминал все. На обычно достигаемом мною уровне повышенного осознания единственным

опытом, в котором имелаась непрерывность между прошлым и настоящим, было мое знакомство с ним.

Он резко ответил, что я вполне способен понять объяснения магов, поскольку уже испытывал предпосылки магии в обычном состоянии осознания. Более мягким тоном он добавил, что повышенное осознание не открывает всего до тех пор, пока все здание магического знания не будет выстроено целиком.

Затем он ответил на мой вопрос о том, ошибаются ли маги в толковании знаков. Когда маг истолковывает знак, он *знает* его точное значение, не имея ни малейшего понятия о том, откуда приходит это знание. Это одно из самых непостижимых следствий связующего звена с *намерением*. Маги имеют возможность получать знания непосредственно. Надежность этих знаний зависит от прочности и четкости их связующего звена.

Он сказал, что чувство, которое называют «интуиция», – это активизация нашей связи с *намерением*. И поскольку маги целенаправленно стремятся к пониманию и усилению этой связи, то можно сказать, что они интуитивно постигают все безошибочно и точно. Истолкование знаков – обычное для магов дело. Ошибки случаются лишь в случае вмешательства личных чувств, затуманивающих связь мага с *намерением*. В других случаях их непосредственное знание функционально и безошибочно.

Некоторое время мы молчали.

Внезапно он сказал:

– Я хочу рассказать тебе историю о Нагвале Элиасе и *проявлении духа*. Дух дает знать о себе магу на каждом повороте, и особенно сильно это касается Нагвалей. Но это еще не все. На самом деле *дух* открывает себя с одинаковой интенсивностью и постоянством любому человеку, но на взаимодействие с ним настроены только маги.

Дон Хуан рассказал, как однажды Нагваль Элиас ехал на своей лошади в город и решил сократить путь, направив лошадь через кукурузное поле. Внезапно его лошадь шарахнулась, испуганная низко и быстро промелькнувшим соколом. Сокол пролетел всего лишь в нескольких сантиметрах от соломенной шляпы Нагваля. Тот немедленно спешился и стал озиаться вокруг. Между высокими кукурузными стеблями он увидел странного молодого человека. Этот человек был одет в дорогой темный костюм и поэтому казался здесь совершенно чужим. Нагвалю Элиасу был привычен вид крестьян или землевладельцев, но он никогда не видел элегантно одетого горожанина, с явным пренебрежением к своему дорогому костюму и обуви идущего по полям.

Нагваль стреножил лошадь и пошел в сторону молодого человека. В полете сокола, как и в одежде мужчины, он узнал явные *проявления духа*, пренебречь которыми было невозможно. Он подошел совсем близко к молодому человеку и тут увидел, что тот преследовал юную крестьяночку, которая бежала несколькими метрами впереди него, увертываясь и смеясь. Было совершенно ясно, что эти двое прыгающих по кукурузному полю людей никак не могли принадлежать друг другу.

Нагваль подумал, что мужчина мог быть сыном землевладельца, а женщина – служанкой в доме. Ему стало неловко наблюдать за ними, и он собирался повернуться и уйти, но тут через поле снова пронесся сокол и на этот раз он коснулся головы молодого человека. Птица спугнула парочку, они остановились и посмотрели вверх, пытаясь угадать, когда сокол пролетит еще раз. Нагваль отметил, что мужчина красив и что глаза у него быстрые и беспокойные.

Потом парочке надоело наблюдать за соколом, и они вернулись к своей игре. Мужчина поймал женщину, обнял и мягко уложил на землю. Нагваль предполагал, что они займутся любовью, но вместо этого тот снял свою одежду и стал дефилировать перед женщиной в обнаженном виде.

Она не закрыла глаза от смущения, не вскрикнула от стыда или страха. Загипнотизированная чарами обнаженного мужчины, она только хихикала. А он прыгал вокруг нее, как сатир,

делая непристойные жесты и смеясь. В конце концов явно побежденная этим зрелищем, она издала дикий крик, вскочила и бросилась в объятия молодого человека.

Нагваль Элиас признавался дону Хуану, что указания *духа* в такой ситуации совершенно сбивали с толку. Было очевидно, что этот человек – сумасшедший. В противном случае, зная, как крестьяне оберегают своих женщин, он не мог бы решиться соблазнить юную крестьянку среди бела дня в нескольких метрах от дороги, да еще и обнаженным.

Дон Хуан рассмеялся и сказал мне, что в те дни снять одежду и вступить в сексуальные отношения среди бела дня в таком месте мог только сумасшедший или человек, отмеченный *духом*. Он добавил, что хотя это и не является чем-то необычным в наше время, но тогда – около ста лет назад, люди были несравненно более сдержанными.

Все это с первого взгляда убедило нагваля Элиаса, что молодой человек был одновременно и сумасшедшим, и отмеченным *духом*. Он беспокоился, что, случись здесь крестьяне, они в бешенстве линчуют парня на месте. Но никого не было. Нагвалю казалось, что время как бы остановилось.

Когда молодой человек закончил заниматься любовью, он оделся, достал носовой платок и тщательно смахнул пыль со своей обуви. Все время давая девушке какие-то нелепые обещания, он направился своим путем. Нагваль Элиас последовал за ним.

Он следил за ним несколько дней и узнал, кто он такой. Его звали Хулиан, и был он актером.

Впоследствии Нагваль видел его на сцене достаточно часто и понял, что актер явно отмечен харизматическим даром. Публика, особенно женщины, любили его, и он без стеснения использовал свой дар для соблазнения женщин. Следуя за ним, Нагваль не раз был свидетелем того, как актер использовал свою технику обольщения. Оставаясь наедине со своими обожательницами, он демонстрировал себя обнаженным и ждал, пока ошеломленная этим женщина не сдавалась сама. Его техника была чрезвычайно эффективной. Нагваль должен был признать, что актер преуспевал во всем, кроме одной весьма существенной вещи: он был смертельно болен. Нагваль *видел* черную тень смерти, которая повсюду следовала за ним.

Дон Хуан еще раз повторил мне то, что объяснял несколько лет назад: наша смерть – это темное пятно чуть позади левого плеча. Маги знают, когда человек близок к смерти, потому что могут *видеть* похожее на движущуюся тень темное пятно, такое же по форме и размеру, как человек, которому оно принадлежит.

Осознание неотвратимого присутствия смерти смутило Нагваля. Он удивлялся, как *дух* мог отметить столь безнадежно больную личность. Его учили, что обычно нужно предпочитать естественный порядок событий. Кроме того, Нагваль сомневался, что у него хватит сил и способностей исцелить этого юношу или оказать сопротивление черной тени его смерти. Он сомневался даже в том, сможет ли понять, зачем *дух* вовлек его в столь очевидно бессмысленную ситуацию.

Нагвалю ничего не оставалось, как следовать за актером и ждать возможности поглубже разобраться в происходящем.

Дон Хуан объяснил, что первой реакцией Нагваля при непосредственном столкновении с *проявлениями духа* является стремление *видеть* всех вовлеченных в ситуацию людей. Нагваль Элиас с момента встречи с этим человеком тщательно заботился о том, чтобы *видеть* его. *Видел* он также и крестьянку, которая также была частью явленного *духом* знака. Но *увидеть* что-нибудь такое, что, по его мнению, гарантировало бы *проявление духа*, ему не удавалось.

Однако в процессе наблюдения очередного соблазнения способность Нагваля *видеть* обрела новую глубину. На этот раз поклонницей актера была дочь богатого землевладельца, и с самого начала именно она полностью контролировала ситуацию. Нагваль узнал об их свидании, подслушав, как она сама предлагала актеру встретиться на следующий день. Нагваль спрятался напротив ее дома и на рассвете увидел, как юная женщина вышла из дома и, вместо

того чтобы отправиться к ранней мессе, пошла на встречу с актером. Актер ждал ее, и она уговорила его последовать за ней в открытое поле. Он явно колебался, но она высмеяла его и не позволила уклониться от свидания.

Пока Нагваль наблюдал, как они потихоньку уходили, у него появилась абсолютная уверенность в том, что в этот день непременно должно случиться нечто такое, чего никто из соучастников не ожидал. Он *увидел*, что черная тень актера выросла почти в два раза выше него самого. Заметив жесткий таинственный взгляд молодой женщины, Нагваль сделал вывод, что и она на интуитивном уровне чувствует черную тень смерти. Актер казался погруженным в себя. Он не смеялся, как обычно.

Они прошли некоторое расстояние. В какой-то момент они заметили, что Нагваль следует за ними, но он немедленно притворился работающим на земле местным крестьянином. Парочка успокоилась, и это позволило Нагвалю подойти поближе. Затем наступила минута, когда актер сбросил одежду и показал себя девушке. Однако вместо того, чтобы лишиться чувств и упасть в его объятия, как другие покоренные им девушки, она вдруг начала бить его. Она безжалостно пинала его ногами и наступала на босые пальцы его ног, заставив его кричать от боли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.